

ЭТНОЭКОНОМИЧЕСКИЙ УКЛАД В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КООРДИНАТАХ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

В.Н. ОВЧИННИКОВ

*доктор экономических наук, профессор,
Ростовский государственный университет*

В поле координат, описывающих отраслевую дислокацию различных ветвей древа научного знания, этноэкономика позиционирует себя в области существования, смежной с этнографией, экономической историей, экономической географией, региональной экономикой, аграрной экономикой, экономикой народонаселения, экономикой труда и др.

В контексте мировых исследовательских традиций этноэкономика, благодаря латентному характеру экономических процессов, происходящих в этом хозяйственном укладе, наряду с другими секторами (теневой, криминальный), характеризующимися аналогичными чертами (неявность, нефиксируемость статистической) имманентных им явлений и процессов, относится к сфере неформальной экономики.

Подтверждая факт существования подобных структур в отечественной экономике, мы в данной работе не делаем акцента на их изучении, избрав объектом исследования сектор этноэкономики. В связи с этим в целях идентификации изучаемых явлений и унификации понятийного аппарата представляется целесообразным пользоваться в данной работе отечественным понятием «этноэкономика» и используемой в международных исследованиях категорией «неформальная экономика»¹ (в той ее части, в которой она отражает сектор традиционной, сочетаемой с бытовым укладом жизни населения) как идентичными (без учета других составляющих последней). Как же выглядит в зеркале мирового опыта место и причины существования неформальной экономики (читай – этноэкономики) как объективно функционирующего хозяйственного уклада?

Существует ряд версий, объясняющих наличие неформальной экономики как остаточного явления, относящегося к доиндустриальному этапу общественного развития, что логически предполагало бы ее постепенный уход с исторической сцены по мере эволюции индустриального технологического уклада в современный постиндустриальный.

¹ Это понятие, употребляемое в практике зарубежных исследований, в предлагаемом ограниченном его объеме, в соответствии с установившейся традицией статистического учета, охватывает группу неоплачиваемых сельскохозяйственных работников, самозанятых лиц (за исключением высокообразованных работников творческого труда: технической интеллигенции, специалистов высших категорий), а также лиц, занятых в домашне-бытовом хозяйстве.

Рассмотрим три из них в качестве типичных, критически анализируя их аргументы с позиции признания жизнеспособности этноэкономики как объективного факта реалий экономической действительности.

Первая версия усматривает причины этноэкономики в экономической отсталости, присущей развивающимся странам, вторая сводит их к свойствам периферийных (по принятой классификации) экономик, а третья считает ее сферой трудовой деятельности маргинальных слоев населения, отверженных институционально формализованным рынком труда.

Прежде чем анализировать эти гипотезы по критериям их верификации – соответствия реальной экономической жизни, следует развеять сложившийся в мировой научной литературе миф о том, что неформальная экономика имманентна хозяйственной системе развивающихся стран. Действительно, исследования показывают, что в столь экономически развитой стране, как США, доля этноэкономики в ВВП оценивалась в 80-х гг. минувшего столетия в диапазоне 10–33%, что связано с различием методического инструментария подсчета, но в любом случае свидетельствует о существенном вкладе в экономику страны.

Принимая во внимание этот факт, все же обратимся к экономике развивающихся стран, где этот феномен подвергся систематическому исследованию, поскольку данный сектор в их экономике занимает значительный удельный вес².

В качестве объекта анализа рассмотрим экономику стран Латинской Америки в конце минувшего столетия.

Исходя из логики первой версии, согласно которой этноэкономика – атрибут экономической отсталости, по мере развития хозяйственных систем этих стран сектор экономики будет «сжиматься» и «выдавливаться» крупномасштабным корпоративным сектором, базирующимся на современном техническом строе производства.

Между тем за три десятилетия при росте ВВП стран Латинской Америки почти в 4 раза (что свидетельствует о существенных темпах экономического развития) доля самозанятых в секторе неформальной экономики не только не уменьшилась, но даже немного возросла (с 27 до 28%), а в целом доля работников сферы неформальной экономики сократилась несущественно (с 46 до 42%), сохраняя прочные позиции в структуре экономически активного населения [1, с. 152].

Этот же факт подтверждается и нашими исследованиями феномена этноэкономики в полиэтнических регионах Юга России.

Системный кризис корпоративной экономики, базирующейся на техническом строе производства, характерном для индустриального технологического уклада, обнажил явление, ранее не улавливаемое статистикой, – созданная в этих регионах промышленность мало изменила сложившийся тип хозяйственного уклада автохтонного населения.

Профессиональной дифференциации экономически активного населения региона как реакции на процесс индустриализации так и не произошло в полном объеме, а новые формы экономической деятельности, вызванные к жизни модернизацией, так и не превратились в хозяйственно-бытовой уклад местного населения [2].

² Пожалуй, именно системность анализа развития сектора неформальной экономики в развивающихся странах, где она выступает системоформирующим фактором в структуре национального хозяйства (в отличие от ее более скромной роли в функционировании экономики развитых стран, что обусловило эпизодический характер ее изучения), породила представление о том, что этноэкономика – экономический феномен развивающихся стран.

Вследствие того что возрождаемый после кризиса индустриальный сектор экономики Юга России развивается не вместо, а вместе с сектором этноэкономики, экономическое пространство республик Северного Кавказа оказалось причудливой смесью элементов государственной экономики, рыночно-корпоративного хозяйства и этноэкономики. Каждый из этих секторов народнохозяйственного комплекса Юга России выполняет свою мезоэкономическую и воспроизводственно-ростоформирующую функцию на сегодняшнем этапе посткризисного развития отечественной экономики.

Таким образом, первая версия не находит своего подтверждения в реалиях экономической действительности, о чем говорят примеры стран Латинской Америки и России.

Что касается второй гипотезы – о локализации ареала сохранения этноэкономики границами экономической периферии, т.е. кластером развивающихся стран, то она не находит своего фактического подтверждения, поскольку и в США, как было показано выше, и в полиэтнических регионах современной России удельный вес этого хозяйственного уклада значителен. Так, в секторе этноэкономики регионов Северного Кавказа производится около 20% продукции растениеводства и до 75% – животноводства и занято до 80% автохтонного населения этих регионов [2].

Более того, исследования экономистов – аграрников Кабардино-Балкарии подтвердили тот факт, что личные подсобные хозяйства населения (относящиеся к традиционной форме этноэкономического уклада), производя на этапе посткризисного оживления аграрной экономики свыше половины валового продукта сельского хозяйства Юга России, выступили в роли ростоформирующего уклада [3, с. 64–69].

Достаточно высоким и стабильным является вклад этноэкономики в развитие европейских стран [1, с. 154].

Эти данные опровергают утверждения о географической ограниченности неформальной экономики (этноэкономики) странами экономической периферии.

Третья версия рассматривает этноэкономiku в качестве сферы занятости лиц, не востребованных формальными институтами инфраструктуры рынка труда, что направляет их поток в русло неформальной экономической деятельности. Эта гипотеза предполагает, что данный экономический феномен тесно связан с бедствующим положением указанного контингента населения как низкооплачиваемого, не имеющего гарантов хотя бы минимального уровня социальной защиты в виде профсоюзов, корпоративных структур.

Однако данные на начало 1980-х гг. по тем же странам Латинской Америки не подтверждают эту гипотезу. Так, в 1983 г. в столице Уругвая Монтевидео среднемесячная зарплата работников формального сектора экономики составляла 172,92 долл., а средний заработок лиц, занятых в неформальном секторе экономики, составлял 172,88 долл., т.е. практически заработки были равны.

Аналогичные данные по этому же году имеются о среднемесячной зарплате работников формального сектора экономики в столице Перу Лиме. Она составила 119,05 долл. В то же время заработок лиц, занятых в неформальном секторе экономики, в этом городе составлял немногим более 108 долл. И здесь, как видим, различия несущественные [1, с. 154].

Следовательно, и эта версия не получает подтверждения фактами реальной экономической жизни.

Итак, на основании проведенного анализа можно сделать следующий вывод.

Этноэкономика, будучи типичным хозяйственным укладом традиционной экономики, устойчиво сохраняет свои позиции, обнаруживая высокую жизнеспособность на индустриальной и даже постиндустриальной стадиях общественного развития. Она, благодаря своим специфическим ресурсам, тесной связи с традиционным хозяйственно-бытовым укладом этноса, обладает значительными адаптационными свойствами и существует и функционирует наряду с доминирующим в рыночной экономике корпоративным, а также государственным секторами.

Подчеркивая роль этноэкономики в хозяйственной жизни традиционных этнических сообществ, академик В.В. Ивантер при подведении итогов дискуссии по проблемам этноэкономики на 29-й сессии российско-французского экономического семинара, проходившего в декабре 2004 г. в Москве (в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН), обратил внимание участников семинара на те социальные издержки, которые несет современное общество в тех случаях, когда не учитывается роль этноэкономики в жизни традиционных этносов, особенно там, где этот уклад является системообразующим в структуре хозяйственных укладов национальной экономики.

В качестве исторического факта он привел пример непреодолимых проблем нашей военной миссии в Афганистане, провал карательной миссии США в Ираке и сложность проблем нашей внутренней национальной политики на Северном Кавказе, осложненной военными действиями в Чечне, этническими конфликтами между Северной Осетией – Аланией и Ингушетией, а также конфликтами, существующими вдоль пограничной дуги политической нестабильности в отношениях Грузии с Абхазией и Южной Осетией, Азербайджана и Нагорного Карабаха.

Таким образом, этноэкономика выступает реальным и значимым элементом хозяйственной структуры современного общества и как объект экономического анализа требует органичного сочетания его традиционных методов с исследованиями смежных сторон жизнедеятельности этноса такими дисциплинами, как история, культурология, этнография, демография и др., присущими им инструментальными средствами изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: причины развития в зеркале мирового опыта // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4.
2. Овчинников В.Н., Колесников Ю.С. Макроэкономические функции этноэкономики в модернизационной парадигме эволюционно-циклической динамики // Проблемы прогнозирования. 2005. № 3.
3. Рахаев Б., Рахаев Х., Плотников А. Оценка устойчивости траектории экономического роста в сельском хозяйстве // АПК: экономика и управление. 2003. № 7.